ПРОТОКОЛ

роман

Varpunen

ПРОТОКОЛ

«Автор»
2026

Varpunen

ПРОТОКОЛ / Varpunen — «Автор», 2026

Двадцать лет Андрей Лунёв поднимал из руин зерновую базу «Северный двор». Теперь она кормит десятки семей — и оказывается на пути большого инвестиционного проекта. Когда глава небольшого города предлагает продать предприятие за бесценок, Андрей отказывается. Вслед за этим начинаются проверки, возникают вопросы к земле, дороге и кредитам. Вскоре в Верхнеозёрск приезжает человек из области, и привычная система договорённостей даёт трещину. Но у каждого, кто требует справедливости, есть собственное прошлое. А разоблачение не всегда означает победу. «Протокол» — социально-психологический триллер о власти, цене компромиссов и человеке, который рискнул всем, чтобы сохранить дело своей жизни.

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава Первая — Не продаётся 5
Глава Вторая — Свои люди 14
Глава Третья — Уведомление 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Varpunen
ПРОТОКОЛ

Глава Первая — Не продаётся

До базы было семь минут езды, если не ждать на единственном переезде. Верхнеозёрск, двадцать три тысячи жителей по последней сводке, в этот час принадлежал хлебным фургонам, дворникам и людям, у которых смена начиналась раньше чужого завтрака. Возле старой поликлиники трое мужчин ждали открытия, на площади рабочие разгружали пластиковую ёлку. Андрей отметил, что до праздника оставалось почти два месяца. В городе умели заранее готовиться к вещам, которые не могли вызвать возражений.

С дороги его предприятие выглядело невзрачно: длинный склад из серого кирпича, сушилка с ребристыми цилиндрами, весовая будка и две линии невысоких ангаров. За ними чернела бывшая ремонтная площадка машинно-тракторной станции. В начале двухтысячных Андрей нашёл здесь выбитые окна, ржавую технику и три коробки бухгалтерских ведомостей, которые прежний управляющий предлагал пустить в печь. Теперь по двору ходили погрузчики, зерно принимали по электронным накладным, а на воротах висело название «Северный двор». Андрей выбрал его без долгих раздумий: в первый год все называли базу старым номером, будто у неё никогда не будет собственного имени.

Белый внедорожник стоял у обочины перед воротами. Из него вышли двое мужчин и женщина в светлой шапке. Женщина держала планшет и смотрела то на экран, то на поворот подъездной дороги; один из мужчин фотографировал сушилку, переставляя ноги, чтобы в кадр попали основания опор. Второй снимал ворота и кабель, уходивший над ними к трансформаторной подстанции. Все трое были одеты слишком аккуратно для покупки зерна и слишком легко для ремонта.

Андрей остановился рядом, не заглушая двигателя. Мужчина с телефоном развернулся, убрал его в карман, но не сделал попытки скрыть происходящее. Так ведут себя люди, уверенные, что объясняться обязан кто-нибудь другой.

— Вы кого ищете?

— Площадку смотрим, — ответил мужчина. — По поручению.

Андрей не спросил, чьему: ему не хотелось начинать разговор с признания, что о поручении он ничего не знает. Он указал на табличку у ворот, на которой были телефон диспетчера и часы работы. Мужчина кивнул, словно табличку уже внесли в список объектов. Женщина тем временем сфотографировала покрытый выбоинами съезд, а затем поставила галочку на планшете.

Они представились специалистами, выполняющими предварительную оценку транспортной доступности. В ответ на просьбу показать основание обследования мужчина протянул визитку проектной организации без фамилии исполнителя и сказал, что выезд согласован с муниципалитетом. На вопрос, почему муниципалитет обследует действующее предприятие без хозяина, ответил: территория входит в перспективный контур развития. Слово «перспективный» он произнёс так, будто оно позволяло не объяснять всё остальное.

Обычно Андрей умел настоять на своём. С поставщиками он мог часами обсуждать стоимость влажного зерна, пока те не соглашались пересчитать тонну. Но сейчас за спиной у троих лежала дорога, которая и вправду принадлежала городу, а над дорогой проходил кабель, принадлежавший сетям. Запретить фотографировать их он не мог. Зато мог не позволить войти во двор. Он вызвал сторожа и попросил никого не пропускать без письменного согласования. Приезжие не спорили. Они уже получили то, за чем, вероятно, приезжали.

Когда внедорожник выехал к трассе, Андрей увидел на мокром асфальте белый пластиковый колпачок от маркера. Не поднял: через десять минут по этому месту пройдут грузовики. И всё же запомнил его с нелепой точностью. Лица чужих людей уже расплывались в памяти, а колпачок оставался белым и чистым на чёрной дороге.

Сторож Пётр Ильич встречал его у проходной, кутаясь в куртку, под которой проглядывала домашняя вязаная кофта. Прежде он работал в пожарной охране, после сокращения устроился на базу и теперь относился к чужим машинам так, будто они все без исключения нарушали инструкцию.

Он видел внедорожник ещё затемно, когда тот медленно проехал мимо центральных ворот, вернулся и остановился у старого шлагбаума. Никого не пытались подкупить, не просили пропустить. Это беспокоило сторожа больше всего. Пётр Ильич достал блокнот и показал записанный номер. Андрей молча сфотографировал страницу.

На весовой уже горел свет. Галя Кочеткова снимала показания с датчика, который начал врать при заморозках. Она не была главным бухгалтером и не стремилась им стать; её власть распространялась на всё, что въезжало и выезжало через ворота. За двенадцать лет Андрей видел, как Галя останавливает разгрузку крупного покупателя из-за разрыва мешка, заставляет его самого переписывать накладную и отправляет домой водителя, уверявшего, что недостача в полтонны — пустяк. Сейчас она сказала, не отрываясь от распечатки: чужие снимали не только дорогу. Вчера двое спрашивали у водителя, где находится резервный въезд.

— Навигатор им не подсказал? — спросил Андрей.

Галя посмотрела на него так, как смотрела на людей, которые пытаются шутить при испорченной партии. Она не стала спорить. Просто положила перед ним две накладные и обвела один и тот же номер машины, отмеченный в разные дни. Это была обычная ошибка, давно исправленная в журнале, но Андрей понял её без объяснений: в хозяйстве всегда найдётся то, что можно предъявить как подозрительное, если искать достаточно долго.

В цехе гремела сушилка. Василий Пахомов, главный механик, стоял на решётчатой площадке и слушал подшипник через металлический прут, как врач слушает грудную клетку. Андрей поднялся к нему по лестнице. Под ногами дрожала сталь. Василий спросил, не с электриками ли приехали утренние люди: две недели назад сети обещали заменить повреждённый изолятор, а потом перенесли работы, потому что «нет окна». Услышав про фотографирование, Василий вытер руки и посмотрел на линию, уходившую за забор.

Эту линию, сказал он, и так уже фотографировали в прошлом месяце. Сначала молодые ребята, будто из сетевой организации, потом какой-то мужчина на машине администрации. Разговаривать с ними он не стал. Они всё равно не могли сказать, кто будет оплачивать простой, если кабель отключат в сезон.

Андрей последние недели занимался отгрузкой и кредитом на новую линию очистки. Пока он считал тонны и проценты, кто-то изучил его предприятие снаружи: ворота, кабель, поворот для фур. Не нарушил границ, ни с кем не поссорился. Эта аккуратность тревожила больше, чем если бы утром на проходной случился скандал.

В девять директору позвонил Михаил Громов. Когда-то они вместе торговали запчастями, возили из области старые моторы и ночевали в кабине грузовика на морозе. Теперь Михаил занимался строительными подрядами и часто появлялся рядом с районными чиновниками. Его помощь Андрею давно состояла главным образом в предупреждениях, которые никогда нельзя было предъявить как свидетельство.

Громов спросил, удобно ли будет заехать к Сазонову после обеда. Оказалось, глава администрации хочет поговорить о развитии территории. Андрей переспросил, что именно надо развивать, но Михаил ответил привычной мягкой насмешкой: не всё ведь вокруг его сушилки вертится. В голосе прозвучало то особое дружеское нетерпение, с которым человек сообщает о решении, уже принятом без тебя.

Он согласился на встречу и сразу пожалел. На стене диспетчерской висел график отгрузок: красным — сроки поставки двум хлебокомбинатам, синим — ночные смены сушилки. За этим графиком стояли сорок шесть работников, четыре кредита и семнадцать лет, в течение которых ни одна зима не проходила одинаково. Андрей привык думать о предприятии как о том, что однажды переживёт его самого. Кому достанется эта работа, он не знал: детей у них с Мариной не было, а говорить об этом они давно перестали.

До обеда Андрей сделал то, что обычно делал в тревоге: занял себя конкретной работой. Проверил весовые документы, согласовал ремонт редуктора, позвонил водителю, застрявшему на трассе, и выслушал жалобу диспетчера на новый порядок выдачи пропусков. Оказалось, что для перевозки зерна через соседнюю муниципальную площадку теперь требовали дополнительную отметку. Когда Андрей попросил назвать распоряжение, диспетчер прислала фотографию объявления: ни номера, ни подписи. Он велел не спорить с охранником и письменно запросить основание. Слова прозвучали ровно, как будто это не имело отношения к утренним фотографиям.

По дороге к Сазонову Андрей проехал мимо бывшего хлебозавода. В окнах первого этажа теперь торговали мебелью, выше темнели пустые цеха. Раньше завод кормил двести семей. Его закрывали медленно: сперва обещали обновить печи, потом перестали чинить старые, потом показали макет торгового центра. Центра так и не построили. В Верхнеозёрске можно было прожить жизнь напротив пустого здания и однажды перестать замечать, что оно пустое.

Приёмная администрации оказалась заставлена коробками с календарями следующего года. На одном было написано: «Верхнеозёрск — территория возможностей». Девушка за столом приняла фамилию Андрея, отметила что-то в электронном списке и попросила подождать. За дверью кабинета негромко разговаривали. Андрей различил своё имя, а после — короткий смешок. Он повернулся к окну. На площади водитель поливал ступени из шланга, смывая наледь, хотя вода уже начинала замерзать снова.

Сазонов встретил его без пиджака, в рубашке с аккуратно закатанными рукавами. Он сам отодвинул для гостя стул, хотя ещё год назад на церемонии открытия новой котельной называл Андрея человеком, на котором держится районная экономика. У стены стояла схема района на планшете. Вдоль железнодорожной ветки тянулась широкая жёлтая полоса, охватывавшая подъездную дорогу, бывшую ремонтную базу и участок «Северного двора». Склады Андрея были обозначены серыми прямоугольниками без названий. Работавших предприятий на схеме вообще не было — только строения и транспортные направления.

Кроме Сазонова сидели Кротов из земельного отдела и женщина в строгом сером костюме. Она представилась Ириной Беловой, юристом, сопровождающим подготовку инвестиционного проекта. Андрей вспомнил её по недавнему совещанию в районе, где она говорила о необходимости не нарушать права собственников. Тогда эта фраза показалась ему обнадёживающей. Сейчас рядом с ней лежала папка с логотипом компании «РегионАгроПроект». На столе стояло пять стаканов воды; пятый оказался предназначен человеку, который ещё не пришёл.

Сазонов начал с того, что район не может жить только сезонными доходами сельского хозяйства. Нужны круглогодичная логистика, переработка, налоги, стабильная занятость. Он назвал две школы, которые удалось не закрыть, и больничный корпус, где всю осень протекала крыша. Андрей знал обе школы и ту крышу; спорить с ними было невозможно. Потом глава перешёл к цифрам будущего комплекса и стал произносить их быстрее. Часть цифр имела источник, другие, как Андрей заметил, совпадали с округлениями на рекламном буклете.

Андрей слушал, глядя на карту. Каждый раз, когда глава говорил «территория», взгляд возвращался к серым прямоугольникам его складов. Он не собирался возражать против инвестиций. Он хотел узнать, почему из будущего города заранее убрали всё, что уже работает.

Когда Сазонов закончил, Андрей спросил, сколько рабочих мест сегодня находится внутри жёлтого контура. Глава задумался. Кротов посмотрел на папку. Белова назвала предполагаемую численность рабочих мест на новом комплексе, но это была другая цифра. Андрей уточнил: речь о существующих людях. Сазонов признал, что такой справки у них под рукой нет, и пообещал её подготовить.

— У меня сорок шесть человек, — сказал Андрей. — И они не на картинке работают.

В кабинет вошёл опоздавший мужчина с коротко стриженными седыми волосами. Громов не стал извиняться, пожал руку Сазонову и сел на свободный стул. Андрею он кивнул почти незаметно. Пятый стакан воды занял своё место в маленькой расстановке, смысл которой Андрей ещё не вполне понимал.

У Беловой были расчёты, а у Громова — предложение. Его изложили не сразу. Сначала поговорили о том, какие производственные линии инвестор намерен сохранить, какие здания удобнее демонтировать, сколько потребуется времени на перепланировку. Андрей несколько раз возвращал их к одному вопросу: кто решил, что предприятие обязательно должно сменить владельца? Сазонов заверял, что никого ни к чему не принуждают. В переговорах же, добавлял он, важно видеть общую выгоду.

Громов подвинул к Андрею два листа. На первом был перечень объектов, составленный с такой точностью, будто кто-то пользовался его инвентарной ведомостью: склад № 2, зерносушильный блок, весовая, мастерская, два подъёмных транспортёра. На втором — ориентировочная цена приобретения имущественного комплекса. Андрей прочёл цифры дважды. Если вычесть остатки банковских кредитов, обязательства перед поставщиками и расходы на увольнение людей, от суммы оставалось меньше, чем стоила одна новая сушилка, установленная три года назад.

Он не стал бросать бумаги на стол. Положил их рядом с картой, выровнял угол и попросил показать оценку: исходные данные, учёт оборудования, стоимость действующих контрактов, расчёт выручки. Белова пояснила, что перед ним не заключение оценщика, а предложение к обсуждению, учитывающее риски площадки. Громов добавил, что за отдельные здания без земли трудно получить больше и что после согласования сделки Андрею могут предложить участие в новом проекте. Сазонов назвал возможность сохранить часть коллектива.

Андрей ещё раз пробежал глазами перечень. Весовая — та самая, где Галя двадцать минут назад спорила с водителем из-за двух мешков. Сушилка — Василий только вчера менял на ней подшипник. В расчёте напротив каждой стояло число. Графы «люди» не было.

Он развернул схему к себе. Жёлтая полоса пересекала не только двор, но и старый проезд к жилым домам. Сазонов сказал, что это предварительный вариант, ещё ничего не утверждено. Андрей спросил, кто разрешил утром фотографировать его сушилку. Кротов впервые поднял глаза и объяснил, что специалисты обследовали элементы транспортной доступности. В здание они не входили. Чужое имущество никто не описывал. Андрей сообщил, что знает номер их машины. Встреча на несколько секунд потеряла привычный темп.

Белова убрала карандаш, которым отмечала слова Андрея. Громов смотрел в окно, на двор администрации, где из грузовика разгружали упаковки офисной бумаги. Сазонов собирался продолжить обсуждение, но Андрей вдруг подумал о Гале: если завтра кто-нибудь попросит у неё список работников для «предварительной оценки», она сперва спросит, на каком основании. А здесь никто не спросил, на каком основании в чужой схеме исчезли все, кто уже работал на этом участке.

— Предприятие я не продаю, — сказал он.

Сазонов положил обе ладони на стол. Не рассердился и не стал убеждать. Он напомнил, что предложение предварительное, а сроки проекта ограничены областным финансированием. Если инвестор уйдёт, район потеряет возможность отремонтировать дорогу и часть

сетей. Андрей знал, что глава не выдумывает эти нужды. Но почему ремонт дороги требовал продажи именно его предприятия, никто так и не объяснил.

Он забрал свои два листа. На выходе Громов догнал его в коридоре и попросил не превращать коммерческий разговор в личную войну. Михаил говорил негромко, с той интонацией, которой когда-то успокаивал его после неудачных сделок. В молодости он умел находить грузовик без водителя и водителя без грузовика; Андрей ему доверял не из сентиментальности, а потому что не раз получал обещанное. Сейчас было трудно определить, на чьей стороне стоят эти старые обязательства.

Громов рассказал, что инвесторы уже два месяца обсуждают несколько площадок, а «Северный двор» удобнее остальных по подъездным путям. Если Андрей не продаст бизнес добровольно, проект, возможно, перенесут, но район останется без денег. Он сказал это не как угрозу, а как печальную арифметику. Андрей спросил, почему тогда оценщики приехали до получения его согласия. Михаил пожал плечами: инвестору надо понимать предмет возможной покупки.

У лестницы Громов остановился. Он сказал, что в документах старой базы остались вопросы и лучше заняться ими сейчас, пока стороны ещё способны разговаривать спокойно. Андрей спросил, какие именно вопросы. Михаил посмотрел на телефон: будто ждал сообщения, которое разрешит ему ответить. Сообщение не пришло. Он похлопал Андрея по плечу — привычный жест, который сегодня показался слишком коротким, — и ушёл в приёмную.

На обратном пути Андрей заехал к банку. Не входил — просто постоял несколько минут напротив отделения. Два года назад здесь ему оформили кредит на очистительную линию, а в качестве обеспечения приняли часть складского оборудования. Тогда управляющий говорил, что для района такой бизнес — редкость: реальные обороты, понятные активы. Теперь Андрей пытался рассчитать, насколько быстро тот же управляющий перестанет считать предприятие надёжным, если из администрации придёт письмо о проблемах с землёй.

Вечером, прежде чем он успел открыть ворота, позвонила Лида Орлова, бухгалтер. В электронном документообороте появилось уведомление из земельного отдела: просят уточнить сведения о правах на площадку вдоль старого проезда, который предприятие использовало для разворота грузовых автомобилей. Кадастровая схема, утверждённая много лет назад, не совпадала с последней записью в реестре. Одновременно сетевая организация направила запрос о правовом основании эксплуатации кабельного ввода через соседний муниципальный участок.

Запросы не запрещали работать и не требовали немедленно отключить электричество. В обоих стояли обычные вежливые формулы. Но они касались двух вещей, без которых «Северный двор» не прожил бы и недели: проезда тяжёлых машин и питания сушилки. Андрей положил телефон на сиденье рядом с предложением инвестора. Ещё утром это были разные бумаги.

Лида попросила не отвечать сгоряча. Она проверила архив: основной договор аренды земельного участка действовал, а проезд был оформлен отдельным старым соглашением. В приложении к нему отсутствовала одна схема; в архиве сетей имелся акт подключения, но после реконструкции линии его несколько раз переоформляли. В прежние годы с таким набором документов они проходили проверки. Лида не говорила, что всё было идеально. Она говорила, что прежде никто не требовал собрать идеальную папку за три дня.

Андрей попросил её подготовить полный список оснований и не исправлять задним числом ни одной даты. Лида помолчала дольше обычного, потом сказала, что даже не собиралась. Ему стало стыдно от собственного тона. Он извинился. Она ответила коротко: ей завтра к девяти, и она будет.

На предприятии ночная смена уже принимала первые машины. Под навесом водитель сбивал с сапог мокрую глину, в весовой Галя подсчитывала влажность партии, Василий ругался с электриком из-за перегрева пускателя. Мир продолжал требовать простых решений, кото-

рые нельзя отложить до выяснения чужих намерений. Андрей прошёл вдоль стен, прикасаясь ладонью к холодному металлу так, будто проверял, что всё ещё существует.

У ворот его остановил водитель Николай. У того в руках была смятая путёвка, и Андрей уже приготовился слушать о неисправной машине. Однако Николай спросил, правда ли базу собираются продавать. Оказалось, его жена работает в школе и там уже обсуждают новый комплекс, обещанные вакансии и большую дорогу. Андрей ответил, что никаких соглашений не подписывал. Николай кивнул, но не ушёл: хотел понять, приходить ли ему в понедельник на смену. Андрей назвал время обычного выезда и почувствовал, как нелепо звучит эта точность на фоне чужих планов. Он не соврал. И всё-таки водитель уходил так, словно получил не ответ, а отсрочку.

В мастерской он задержался возле старой фотографии, приколотой к пробковой доске. На ней он стоял перед первой восстановленной крышей, в ватнике не по размеру, рядом с Василием и ещё тремя людьми, двое из которых давно уехали. Снимок был сделан в 2003 году. К тому времени он уже заплатил за базу, хотя права на некоторые строения оформили только следующим летом. На фотографии Андрей улыбался так широко, как люди улыбаются, когда ещё не знают окончательной цены собственной победы.

Покупка казалась ему тогда почти чудом. Прежний собственник разорился, оборудование распродавали по частям, а здания должны были перейти кредиторам. Андрей нашёл деньги, договорился о прямой продаже части имущества и собирался оформить остаток на торгах. Он помнил просторную комнату с разбитыми жалюзи, человека в выцветшем костюме, который листал документы двумя пальцами, и фразу: «Так, как вы хотите, здесь не получится. Надо сначала решить вопрос со старым долгом». Андрей спрашивал, какой долг, перед кем, почему он должен оплачивать чужие обязательства. Ответы были такими путаными, что к вечеру он уже не мог отличить законные расходы от придуманных. Ему предложили заплатить за хранение имущества, ремонт дороги и оформление вспомогательных строений — отдельно, разным получателям. Он тогда посоветовался с юристом, спорил, добивался квитанций, кое-что оспорил. Но в какой-то момент согласился на последовательность, предложенную людьми, от которых зависел доступ к площадке. Иначе продавать начали бы станки, а потом уже нечего было бы покупать.

Тогда он не считал себя человеком, получившим чужое готовое дело за бесценок. От старой базы остались долги, пустые помещения и техника, которую не могли запустить даже бывшие хозяева. Он спорил, требовал квитанций, возвращался к юристу и всё-таки согласился на несколько условий, происхождения которых до конца не понимал. Не ради быстрого заработка — ему нужно было не допустить распродажи по частям. Так он объяснял себе случившееся много лет. Теперь Громов упомянул старые документы, и Андрей впервые захотел поднять не только свою папку, но и ту, которую тогда ему не показали.

Дом стоял на тихой улице, где от городского центра остались только тротуары из растрескавшегося асфальта. Марина не включала верхний свет на кухне; горела лампа над столом и маленькая подсветка у плиты. Перед ней лежали квитанции за коммунальные услуги, распечатка банковского графика и листок с двумя датами, обведёнными синим. На одну из них они договорились съездить к врачу вместе. Андрей вспомнил об этом только сейчас, у двери, когда Марина молча убрала листок под банковские бумаги.

Марина встретила его без вопросов о настроении. За двадцать четыре года совместной жизни она научилась отличать его молчание после плохого урожая от молчания после встреч с чиновниками. В первом случае он искал цифры; во втором мысленно продолжал спор, пока настоящий разговор проходил мимо. Он снял куртку и рассказал про внедорожник, схему и предложение. На цифре покупки Марина не ахнула, не возмутилась. Она спросила, кто присутствовал при встрече, записывали ли итоги и есть ли у него письменные документы. Потом попросила показать бумагу.

Она читала медленно. Андрей наблюдал за её лицом и не понимал, что его раздражает сильнее: безучастность к предложенной сумме или то, что Марина не спрашивает, как он поставил на место Сазонова. Она работала когда-то экономистом на том самом закрытом хлебозаводе. Привычка читать примечания к таблицам оказалась долговечнее самого предприятия. Внизу листа она нашла фразу о рисках правового режима объекта и провела под ней ногтем.

Андрей сообщил про два новых запроса. Марина сложила лист пополам, разгладила сгиб и спросила, что будет, если электричество ограничат хотя бы на неделю. Он ответил, что это не так просто сделать. Она кивнула, но не сменила вопрос: что будет с зерном, людьми и платежами? Ему пришлось назвать сроки и суммы. Он их знал. Он просто не любил говорить о них вслух, когда ещё надеялся, что до этого не дойдёт.

— Ты опять собираешься воевать со всеми сразу? — спросила она.

Он хотел возразить, что не он начал эту историю. Но Марина спрашивала о другом. Что они будут делать, если ограничат электричество? Что он скажет сорока шести людям? Сколько месяцев продержится дом под банковским залогом, если исчезнут заказы? Она не предлагала продать предприятие за бесценок. Она отказывалась заранее соглашаться с последствиями решения, которое муж уже мысленно принял за них обоих.

Он почувствовал знакомую досаду. Никто не видел, сколько ночей он проводил в цехе, сколько чужих зарплат платил раньше собственной, сколько раз мог уехать в город и начать заново. Но Марина видела. Именно поэтому её слова было труднее всего отвергнуть.

Она принесла из комнаты старую коробку с фотографиями и положила рядом с предложением инвестора один снимок: он перед разрушенной весовой, молодой и злой, держит в руках рулон чертежей. На обороте её почерком было написано: «Андрей купил базу. Весна 2003». Тогда Марина настояла на такой подписи, хотя Андрей считал событие слишком скромным для семейного архива. Она долго смотрела на снимок, потом сказала, что не хочет снова прожить ту весну. Не из-за бедности — из-за того, как он тогда исчезал из дома на несколько дней, возвращался с чужими обещаниями и называл это необходимостью.

Андрей вспомнил, как однажды принёс конверт с документами и сказал: «Теперь всё нормально». На следующий день выяснилось, что не хватает подписи в приложении. Тогда он тоже обещал, что всё решит. Марина впервые попросила назвать дату, после которой они остановятся и подумают, а не будут принимать каждое новое требование как последнее. В ту весну он такой даты не назвал. Теперь она ждала ответа снова.

— Я не прошу тебя уступить, — сказала Марина. — Я прошу, чтобы ты не называл это нашим решением, пока мы не решили вдвоём.

Он обещал принести завтра расчёты и поговорить с независимым юристом о новых запросах. Это было меньше, чем хотелось сказать, и впервые за вечер он не пытался добавить уверенности. Марина убрала бумаги в папку. Ужин остыл, но она поставила его разогреваться, и они некоторое время говорили о соседке, которой требовались лекарства. Разговор не примирил их и не решил ничего. Он просто вернул кухне её обычные размеры.

Марина поставила на стол маленькую миску с остывшим супом и достала из холодильника хлеб. Андрей спросил, зачем она сегодня ездила в область. Она посмотрела на лист с датами, который спрятала под банковские бумаги, и сказала: «Об этом тоже завтра?» Он открыл рот, но обещание рассказать о предприятии уже прозвучало, и повторять его было стыдно. Они договорились ехать к врачу вместе ещё месяц назад. Весь день Андрей боялся лишиться дела своей жизни и едва не пропустил то, что происходило рядом с ним. Он придвинул к себе её листок и переписал время приёма на обратную сторону визитки проектировщиков. Марина заметила, чья это карточка, но ничего не сказала.

Около десяти Андрей вышел закрыть калитку. Ветер донёс с железной дороги короткий металлический гудок; потом снова стало слышно, как вода падает из трубы в пластиковое ведро. В почтовом ящике лежала квитанция, местная газета и большой белый конверт с адрес-

ным окошком. На нём было напечатано «Уведомление». Бумага оказалась влажной по краю, будто её долго носили в холодных руках.

Он решил, что это ответ на давнее обращение в районную приёмную. Несколько месяцев назад он писал о разбитой дороге к зернохранилищу и о том, что муниципальная техника разворачивается на его площадке без согласования. Ответов тогда не последовало. Дома он разрезал край конверта кухонным ножом. На первой странице было сухое сообщение о предстоящем рассмотрении обращения по вопросам предоставления муниципальных земельных участков и соблюдения законодательства при подготовке инвестиционного проекта. Указывались дата, время и место изучения документов, необходимость обеспечить участие уполномоченных представителей администрации.

Андрей перечитал текст. На обращение о законности предоставления участков и подготовке инвестиционного проекта он не жаловался. Адресатом значился он сам, как заявитель, ниже — администрация Верхнеозёрского района. Но распоряжения в письме предназначались в основном чиновникам: представить документы, обеспечить участие ответственных лиц, подготовить сведения о ранее принятых решениях. Если его считали заявителем, значит, где-то существовало заявление, которого он не видел. А если письмо отправили ошибочно — кто-то не сумел даже правильно составить список получателей.

Марина подошла с чашкой чая. Андрей показал ей первый лист. Она заметила, что дата стоит на следующей неделе, и спросила, кто инициировал рассмотрение. Ответа на листе не было. Вверху был регистрационный номер, внизу — фамилия исполнителя с неразборчивыми инициалами. Отдельным абзацем говорилось, что информация об обстоятельствах и результатах проверки будет направлена лицам, чьи права затронуты. Возможно, его включили в рассылку как заинтересованную сторону. Возможно, жалоба была чья-то ещё. Он не знал.

Он машинально просмотрел приложения: перечень документов, схема взаимодействия, отметка об отправке копии. Бумаги пахли нагретым тонером. Подпись под письмом была не оригинальная, а напечатанная, и это почему-то показалось ему важным. Возле неё стояли инициалы и фамилия: «С. В. Дёмин». Андрей не припомнил ни одного разговора с этим человеком. Не знал, сколько ему лет и как он выглядит. Зато видел, как менялись лица людей в администрации, когда кто-нибудь произносил слово «область».

Андрей положил уведомление рядом с предложением инвестора. В одном документе территория уже имела будущее. Во втором кто-то требовал рассказать о её прошлом. Дата рассмотрения стояла на следующей неделе; срок предложения о покупке истекал почти одновременно. Андрей не мог понять, случайно ли совпали эти числа.

Вдруг он заметил в перечне приложений слово «представитель». Не «приглашаем вас», не «просим явиться», а «обеспечить присутствие уполномоченного представителя». К нему самому это требование явно не относилось. Он снова проверил адресное окно: фамилия, дом, квартира — всё верно. Ошиблись не почтальоны. Где-то выше, в цепочке канцелярских отметок, его включили в рассылку, назначенную прежде всего для тех, кто собирался обсуждать его имущество. Андрей хотел найти причину такой оплошности и не смог. Впервые чужая небрежность могла сообщить ему больше, чем многолетние знакомства.

Марина ушла в комнату. Андрей ещё долго сидел на кухне. Он мог позвонить Сазонову, Громову, знакомому адвокату. Мог решить, что это простая рассылка, к которой он не имеет отношения. Вместо этого он достал телефон и сфотографировал обе страницы, стараясь не захватить в кадр семейные счета.

По соседней улице медленно проехала машина. Фары высветили калитку, мокрую яблоню и красный почтовый ящик, в котором письмо пролежало несколько часов. Андрей снова прочёл дату и слово «проверка». Оно не принесло облегчения. Он знал, как много можно решить до того, как люди сядут обсуждать дело официально.

Он знал цену назначенным встречам и чужим уверенным голосам. Но кто именно отправил это уведомление, почему в нём стояла его фамилия и какие сведения район успел сообщить в область, из присланных листов понять было нельзя.

Глава Вторая — Свои люди

Утром секретарь районной администрации Ольга Никитина получила из канцелярии областной прокуратуры электронную копию уведомления, которое накануне обнаружил у себя Андрей Лунёв. В районную администрацию документ пришёл по служебному каналу. Ольга открыла карточку рассылки: администрация значилась получателем требования о подготовке материалов, Лунёв — заявителем. Но приложения с самой жалобой не было. Канцелярия переслала только то, что должна была зарегистрировать. В верхнем поле светился номер дела, которого никто из местных пока не видел.

Ольга могла запросить у областной канцелярии исправленную карточку, если пометку внесли ошибочно. Но запрос тоже оставил бы след, а с утра Кротов уже дважды спрашивал, почему предпринимателя известили раньше, чем они подготовили ответ. Она ничего не меняла. В Верхнеозёрске неправильная запись становилась опасной не тогда, когда её обнаруживали, а когда кто-нибудь решал воспользоваться ею.

Верхнеозёрск ещё не проснулся окончательно. Над рынком поднимался пар от больших кастрюль с молоком; у остановки в центре два автобуса по очереди набирали людей в областную больницу. На площади дворник сдирал с афишной тумбы старую рекламу концерта. С другой стороны улицы уже светились окна администрации — здания с широким крыльцом и дверьми, которые в девяностые покрыли лаком поверх старых трещин. С тех пор двери перекрашивали дважды, а щель под одной створкой осталась прежней. Зимой её закладывали полосой войлока.

Город жил не теми связями, о которых писали в юбилейных буклетах. Никитина знала, кому звонят, когда у школы промерзают трубы, кто может достать к утру запасную деталь для районной котельной и чья родственница устроена в столовой при больнице. Одни услуги не имели отношения к должности. Другие без должности были невозможны. Между ними давно исчезла граница, которую потом требовалось указать в объяснительной.

Сазонов появлялся рано. Перед кабинетом главы района обычно пахло табаком, хотя курить в здании запрещали уже много лет. Сам Виктор Павлович не курил с операции на сердце. Он держал на подоконнике стакан для окурков посетителей, чтобы те не уходили на улицу во время разговора. У каждого в городе было своё объяснение этой привычки: кто-то считал её гостеприимством, кто-то — способом не отпускать человека, пока тот не согласится.

В этот раз он приехал с папкой старых фотографий. На одной школьники стояли в шапках посреди спортзала: батареи тогда не работали, и дети репетировали новогодний концерт в куртках. Сазонов оставил снимок в приёмной, попросив найти директора школы. Ольга знала, зачем. На следующей неделе комиссии предстояло обсуждать отчёт о ремонте отопления, который в прошлом году оплатили из районного бюджета. Часть работ была действительно сделана. Другая часть, если верить ведомости, оказалась выполнена дважды.

Директору школы Сазонов когда-то помог сохранить старшие классы. В областном департаменте хотели закрыть их из-за изношенного отопления; глава района добился отсрочки и нашёл деньги на ремонт. Директор позволил провести в актовом зале встречу подрядчиков ещё до официального объявления конкурса. Тогда он объяснил это просто: другого тёплого помещения со звуком в городе не было. Победила фирма «Тепломонтаж-Сервис», принадлежавшая жене руководителя муниципального учреждения, старого приятеля Сазонова. Школу действительно отапливали. Но в смете дважды появилась одна и та же ветка трубопровода, а на актах стояли разные даты. Теперь директор звонил главе не только за помощью. Он звонил, чтобы узнать, не попросят ли его снова подтвердить то, чего он не видел.

Ольга помнила, как директор пришёл после уроков, оставив у двери пальто с мелом на рукаве. Он показал ей фотографию заменённой трубы и попросил не отдавать снимок в дело: в акте значился другой участок. «Я детей из холодного зала вывел, — сказал он тогда. — Разве

это плохо?» Ольга ответила, что дело не в детях. Он посмотрел на неё как на человека, который никогда не был ответственным за школу. Через год тот же директор попросил Сазонова устроить племянницу в отдел образования. Он не думал, что ему предъявили счёт. Просто узнал дорогу к нужной двери.

У входа в кабинет Ольгу остановил земельщик Павел Кротов. Он держал телефон экраном вниз, хотя тот настойчиво вибрировал. Кротову исполнилось сорок восемь, и за двадцать два года работы он научился говорить с посетителями так, будто каждое их требование было только вопросом правильной формы заявления. С Ольгой он иногда говорил прямо. Сегодня спросил, получил ли Лунёв копию уведомления.

Она подтвердила отправку. Кротов выдохнул и попросил найти, кто поставил пометку «заявителю». Ольга ответила, что сначала надо выяснить, почему в карточке обращения под заголовком о муниципальной земле появился номер жалобы, которой у самого заявителя нет. Кротов помолчал. У него была привычка тереть переносицу, когда он выбирал, какой из вопросов сделать вид, что не услышал.

— Ты же понимаешь, что теперь он захочет посмотреть всё дело, — сказал Кротов.

— Он уже имеет право узнать, что касается его участка.

— Право — это одно. Порядок — другое.

Ольга не ответила. Эту фразу Кротов повторял настолько часто, что давно мог бы заказать себе печать с готовым текстом.

На общем совещании должны были присутствовать лишь пятеро: Сазонов, Кротов, Ирина Белова из юридического отдела, начальник хозяйственного управления Аркадий Рябов и Громов как приглашённый консультант инвестиционного проекта. Официальной повестки ещё не существовало. Сазонов назвал встречу рабочей, поэтому Ольгу попросили не оформлять протокол. Она всё равно принесла блокнот — не в доказательство будущего спора, а чтобы не забыть, кому что поручили.

Кабинет был устроен без роскоши. Тёмный стол, выцветший ковёр, полки с грамотами за благоустройство, комнатный фикус в пластмассовом ведре. За окном стояла площадь, по которой люди с пакетами из магазина обходили лужи. Сазонов никогда не переносил в кабинет дорогих вещей. Зато на самой верхней полке хранилась коробка с ключами от помещений, названия которых не значились в описи административного здания. Иногда он доставал один, передавал посетителю, и тот уходил, не написав заявления на аренду. Никто не называл это взяткой. Помещение всё равно пустовало; район нуждался в деятельных людях; люди потом помогали району.

Рябов положил перед Сазоновым дорожный отчёт. Три улицы заасфальтировали летом; на двух после дождей появились трещины. Подрядчиком была «Магистраль-Н», которой руководил зять сестры Рябова. Победителя определили через конкурс, но черновой расчёт цены заказчик получил от этой фирмы ещё до объявления закупки. В акт включили полную замену основания. Ольга видела рабочих: у поворота, где снимала районная газета, они вынимали старый грунт; дальше разравнивали выбоины и клали асфальт по сырому. Когда жители пожаловались, Рябов пообещал лабораторную проверку. В архиве лежал лист со словом «назначена», но не заключение.

Сазонов нашёл в отчёте строку о гарантийном ремонте и вспомнил не улицу, а прошлогодний разговор с Рябовым. Тогда он прямо спросил, почему техника подрядчика стоит у его загородного дома. Рябов назвал её помощью после паводка. Дом действительно подтопило, но муниципальный контракт ремонта частного подъезда не предусматривал. Теперь Сазонов мог потребовать от фирмы переделать дороги, а мог открыть вопрос о её фиктивных объёмах. Во втором случае пришлось бы объяснять и платёжное распоряжение, которое он подписал после жалоб, и асфальт у собственной калитки. Там покрытие, в отличие от городского, не растрескалось.

— Гарантию предъявите, — сказал глава. — Но не надо опять газетной войны. Дорогу зимой никто не перекладывает.

Рябов кивнул с облегчением. Он мог спокойно потребовать ремонта от родственника, потому что обе стороны понимали, чего нельзя произносить при посторонних.

Ирина Белова не смотрела на дорогу. Перед ней лежала папка «Северный двор» с цветными закладками. Она пришла в район после нескольких лет в областной юридической фирме и поначалу попыталась установить простое правило: письменно фиксировать основания решений. Через полгода стало ясно, что бумага здесь не предотвращала договорённости, а служила им удобным завершением. В одних делах документы составляли до разговора, в других — подшивали после. Из этого следовало не только обилие нарушений. Следовало, что человеку, который захотел бы разорвать цепочку, пришлось бы первым объяснить собственные подписи.

Белова положила перед Сазоновым выписку по участкам «Северного двора». Основной участок числился в законном владении предприятия; никаких оснований просто отнять склад не было. Но вдоль старого проезда оставался кусок земли, чья граница менялась при уточнении кадастра. Кабельное ответвление проходило по соседнему участку муниципальной собственности. Ни то ни другое ещё не означало запрета на использование комплекса. Это означало спор, сроки и расходы. Для предприятия с непрерывной сушкой даже спор был дорог.

— Мы не можем оформить требования так, будто нарушение уже установлено, — сказала Белова. — Сначала запросы, потом ответы, потом выводы.

— Запросы уже ушли, — заметил Кротов.

— Без приложений, о которых вы меня спрашивали вчера. И это хорошо. В противном случае мы бы сегодня объясняли, на каком основании заранее требовали освобождения проезда.

Сазонов слушал без видимого интереса. Он не любил, когда Белова говорила о пределах полномочий: она вынуждала его замечать расстояние между намерением и решением. Но на совещаниях оставлял её до конца. Ему был нужен человек, который вовремя скажет, на какой бумаге не следует ставить подпись.

Громов пришёл последним. Он говорил негромко, будто продолжал предыдущий разговор, который никто из присутствующих не слышал. Ещё в понедельник он уверял Андрея, что инвестор рассматривает разные площадки. Сазонову теперь сказал, что региональные партнёры готовы выходить на проектирование сразу после урегулирования имущественных вопросов. Белова уточнила, что никаких прав на здания «Северного двора» у них нет. Громов согласился с такой готовностью, которая могла означать и понимание закона, и намерение просто переждать её возражение.

Ольга смотрела на его руки. Когда-то Михаил привозил доски на ремонт школьного спортзала и сам разгружал их с машины. Сегодня на столе у него лежала дорогая папка, а на среднем пальце остался белый рубец от старого пореза. Люди в Верхнеозёрске часто меняли занятие, но продолжали напоминать друг другу, за что их следует любить.

Из больницы позвонили прямо во время разговора. В подвале сломался насос; без него могли остановить часть оборудования. Главврач просил не откладывать закупку. Сазонов распорядился найти поставщика к вечеру. Рябов почти сразу назвал знакомую фирму. Ольга вспомнила другой договор: сын главврача получал деньги за обслуживание больничной информационной системы, хотя большую часть работы делал штатный техник. Несколько месяцев назад Ольга спросила, где отчёты о выездах консультанта. Главврач ответил, что ночью спасают пациентов, а не расписывают журналы. Сегодня этот же человек просил насос, который больнице действительно был необходим. Никто не произнёс названия прежнего контракта, но Рябов закрыл лежавшую перед ним папку.

Сазонов снял очки. Нельзя было сказать, что он притворялся заботливым руководителем: когда в больнице текла крыша, он сам приезжал смотреть, куда ставить вёдра. Однако каждое

такое вмешательство укрепляло порядок, при котором никто не решался поступить против его воли. Главврач получал насос быстрее, чем смог бы через обычную процедуру, а Сазонов получал человека, готового подтвердить любую полезную ему версию прошлого. Он называл это ответственностью; остальные предпочитали не подбирать названия.

Ольга однажды спросила его, почему в районе невозможно оформить обычную помощь без личной договорённости. Тогда Сазонов предложил представить жителям ответ: ждите квартал, пока деньги пройдут все процедуры. Она возразила, что правила придуманы не для того, чтобы люди мерзли. Он ответил: а у нас они именно так работают. Спор закончился ничем. На следующий день он выбил деньги на отопление детского сада, а договор подписали с фирмой, которая прежде ремонтировала его дом. Отопление заработало. Ольга до сих пор не знала, какой факт должен был заставить её радоваться меньше.

Обсуждение Лунёва вернуло всех к деловым голосам. Громов достал предварительный график нового комплекса: предпроектные работы, согласование транспортной схемы, переговоры с владельцами имущества. В самом низу стояла фраза «обеспечить освобождение участков». Сазонов попросил заменить её на «урегулировать имущественно-правовые вопросы». Белова сказала, что замена полезна для документа, но ничего не решает на земле. Сазонов посмотрел на неё так, будто она помешала ему закрыть форточку.

Рябов осторожно предложил начать с «реальных технических условий». Он не произнёс слова «заставить»: если уточнить проезд и линию электропередачи, владелец сам увидит, насколько дорога эксплуатация старой площадки. Белова спросила, почему эти вопросы возникли в таком порядке — сначала предложение о продаже, потом срочные запросы. Кротов перевернул лист с кадастровой схемой, будто ответ мог находиться на обороте. Сазонов ничего не одобрил вслух. Ему достаточно было не возразить.

— Вы же понимаете, как это будет выглядеть, если всё начнётся сразу после отказа продать? — спросила Белова.

Рябов повернулся к ней: будто именно сейчас увидел, что юрист тоже сидит за столом. Он поинтересовался, предлагает ли она ничего не проверять. Белова не ответила на подмену вопроса. Сказала, что проверки должны иметь самостоятельные основания и подтверждаться материалами, полученными независимо от переговоров с инвестором.

Сазонов подвёл итог: никакого давления, только предусмотренные законом процедуры. При этом он попросил Кротова ускорить сверку границ, Рябова — уточнить состояние электроснабжения, а Громова — не терять связь с инвестором. Формально все распоряжения были обычными. Последовательность делала их похожими на механизм, который запустили одним поворотом ключа.

Когда остальные поднялись, Сазонов попросил Ольгу остаться. Он увидел блокнот и улыбнулся. Так она записывает, будто готовится к суду, сказал он. Ольга ответила, что готовится к понедельнику: если возникнет спор, кому-то надо будет вспомнить, кто обещал прислать документы. Глава некоторое время молча смотрел на неё. Потом попросил не прилагать рабочие записи к делу, пока не будет официальной повестки.

— А если спросят, что вы сегодня решали?

— Скажешь правду: обсуждали, как не нарушить ничьих прав.

Ольга закрыла блокнот. Слова Сазонова не были прямой ложью. Их можно было повторить на собрании жителей, в суде и на открытии новой школы. Не хватало только того, что происходило между произнесёнными словами.

К полудню Андрей уже успел получить два отказа, ни один из которых официально отказом не считался. Поставщик запчастей к сушилке, с которым работали семь лет, предложил перейти на стопроцентную предоплату до окончания квартала. Утром он ещё обещал отсрочку. Теперь бухгалтер поставщика объясняла изменение внутренней политикой компании. Андрей попросил соединить его с владельцем; тот ответил после обеда и сказал, что слышал о возмож-

ной смене собственника «Северного двора». Где слышал, не уточнил. Обещал вернуть прежние условия, как только ситуация прояснится.

Второй разговор был с банком. Менеджер просил обновить данные об обеспечении по кредиту и представить пояснения по земельному проезду. Заёмщик не нарушал график платежей. Но в отделе рисков решили уточнить документы после сообщения о перспективном изменении транспортной схемы. Андрей спросил, откуда у них эта информация. Ему ответили: из открытых источников. В открытых источниках пока не было ни одного официального решения, только фотографии с презентации проекта, опубликованные районной газетой.

Он закрыл телефон и увидел в окне весовую. Галя разговаривала с водителем, который держал накладную над головой, спасая от мороси. На улице было сыро, зерно приходило влажнее расчётного, сушилка потребляла больше электроэнергии. Проблема была не в одном большом отказе. Андрей чувствовал, как маленькие изменения чужих условий постепенно съедают запас времени, который он считал своим.

Лида Орлова принесла в кабинет папку с договорами и выписку по платежам. Она работала бухгалтером одиннадцатый год и никогда не путала настойчивость с громкостью. Андрей хотел немедленно обзвонить всех, кто отказывался от прежних условий. Лида положила перед ним таблицу: остаток денежных средств, предстоящая выплата зарплаты, кредит, поставка дизельного топлива, расчёты с хлебокомбинатами. На бумаге было видно, сколько дней предприятие выдержит без новых запчастей и без доступа к короткому проезду. Андрей впервые за утро перестал искать номер Сазонова.

Он обещал Марине принести домой расчёты. Теперь смотрел на них и понимал, что самые неприятные цифры не те, где красным отмечен долг. Самые неприятные — в столбце «срок». До следующей выплаты людям оставалось меньше двух недель. Он мог найти деньги, если отгрузит зерно по действующему договору. Но если запоздает новая партия подшипников, сушилка встанет. Тогда невыполненная поставка автоматически превратится в штраф. Ему захотелось вернуть утренним фотографам их белый колпачок от маркера, будто тот был первым звеном всей цепочки.

Из цеха пришёл Василий. Он сообщил, что контрольная лампа на резервном вводе снова моргает. Электрики сетевой организации обещали приехать после выходных. Андрей спросил, можно ли продержаться без ремонта. Василий ответил, что можно, если ничего не случится. Они оба знали цену этой оговорке. Когда-то Андрей сам научил механика не давать пустых гарантий и теперь раздражался, слыша собственный урок.

К воротам подъехали двое сотрудников пожарного надзора на служебной машине без включённых маячков. Они показали документы о проверочном мероприятии, назвали основание и попросили ответственного за безопасность. Лида внимательно сверила реквизиты. Инспекторы действовали без показной суровости: проверили свободный проход к огнетушителям, остановились у сушилки, запросили журнал инструктажей. На лестнице действительно скопилась пыль, а дверь аварийного выхода заедала. Андрей распорядился устранить замечания сразу. Спорить с тем, что было правдой, он не собирался, даже если появление инспекторов казалось кому-то выгодным.

Но появление проверяющих в день банковских запросов и разговоров о продаже было таким совпадением, от которого не становилось спокойнее. Он спросил, почему именно сегодня. Старший инспектор показал план работ и объяснил порядок назначения. Андрей увидел на листе дату, поставленную раньше встречи с Сазоновым. Это не доказывало связи между событиями; возможно, не все шестерёнки крутились от одной руки. От этой мысли легче не стало. Даже случайная проверка могла оказаться полезной людям, которые искали повод усомниться в устойчивости предприятия.

К вечеру в столовой на автобусной станции говорили, что «Северный двор» закрывают за пожарные нарушения. Никто из инспекторов такого не утверждал. Сестра одного из них рас-

сказала мужу о поездке; муж зашёл к знакомому водителю; водитель позвонил брату, который собирался устраиваться на базу. К последнему разговору проверка уже превратилась в запрет на работу. Город не умел хранить тайну, но без усилия превращал предположение в известие. Андрей узнал слух от Галиной дочери: та спросила, надо ли матери искать другую работу.

Сазонов между тем поехал в районную больницу. Главврач показывал ему насосную и рассказывал, сколько стоит простой операционной. Вода в подвале доходила до щиколотки, на полу лежали доски, по которым персонал переходил к шкафу управления. Сазонов слушал внимательно, записывал цену насоса и имена поставщиков. Он действительно хотел решить проблему. Он действительно мог решить её быстрее, чем любая комиссия. Когда главврач спросил про оплату прошлогоднего контракта с фирмой его сына, Сазонов ответил, что бухгалтерия скоро закроет вопрос. Упоминание прозвучало между измерением давления в системе и разговором о лекарствах для реанимации. Ни один из мужчин не предложил называть эти темы связанными.

По дороге назад Сазонов заехал в школу. Батареи в спортзале были горячими, над дверью темнело пятно протечки. Директор вывел его на лестничную площадку и попросил денег на потолок. Потом достал из кармана сложенную копию акта и спросил, нужно ли будет снова подтверждать приёмку прошлогоднего ремонта. Сазонов не ответил сразу. Он смотрел через окно на детей, игравших во дворе без курток. Раньше такой вид убеждал его, что всё сделано правильно. Теперь директор держал бумагу двумя руками, словно это была чужая вещь, которую следовало вернуть владельцу.

Кротов к тому часу сидел в своём отделе над старым кадастровым делом. Молодая сотрудница принесла копию схемы с исправленной границей проезда и спросила, какой вариант следует приложить к ответу Лунёву. Один был подписан в 2004 году, другой составлен позже без отдельного акта согласования. Кротов тщательно разложил листы. Он помнил первоначальный выезд на базу: тогда Андрей хотел просто провести машины к складу, а район обещал, что никто не будет мешать. На месте с ним стоял инженер, который давно умер, и представитель земкома, переехавший за границу. Каждый раз, когда требовалось восстановить основания решения, находился хотя бы один человек, с которым уже нельзя было поговорить.

— Ничего не перерисовывайте, — сказал он сотруднице. — Поднимем оба документа. В ответе укажем расхождение.

Она удивилась: обычно начальник предпочитал, чтобы спорная бумага не выходила за пределы отдела. Кротов раздражённо пояснил, что теперь любые исправления будут хуже самого расхождения. Это был не внезапный приступ законопослушания. Он просто представлял, как через год кто-нибудь положит перед ним два листа и спросит, почему второй появился только после отказа Лунёва продать предприятие.

В соседнем шкафу лежала папка по муниципальному складу, приватизированному восемь лет назад. Покупателем значилось общество, которым управляла сестра Рябова. В оценке стоимости не учли железнодорожный тупик, потому что он якобы не входил в состав объекта. Через три месяца вместе с тупиком обществу передали право пользования подъездом по отдельному соглашению. Кротов сам готовил бумаги. Сазонов подписал распоряжение. Рябов заверял, что никакого особого отношения к покупателю не имеет. Все это было в архиве, с датами и номерами. Поэтому никто и не мог просто выкинуть историю из памяти. Её приходилось хранить — и делать вид, что не помнишь, где именно лежит папка.

В тот вечер Кротов позвонил Рябову и попросил не ставить его подпись на новых схемах без согласования. Рябов ответил, что старый склад не имеет отношения к «Северному двору». Кротов не называл старый склад. Некоторое время они слушали дыхание друг друга. Потом Рябов спросил, чего он хочет. Кротов ответил, что ничего. Они оба поняли: в их отношениях это самый дорогой ответ.

Ольга осталась на работе позже остальных. В коридоре пахло воском для пола; уборщица передвигала ведро от двери к двери, огибая таблички с фамилиями. Ольга собирала документы по уведомлению прокуратуры. На электронном маршруте письма значилось направление в администрацию, копия заявителю и назначенный ответственный исполнитель. Отметку «заявителю» внесли в карточку из областной канцелярии. Рядом стоял номер входящего обращения, но само обращение в район не пересылали. Ольга запросила уточнение и получила автоматический ответ о регистрации запроса. Возможно, письмо действительно разослали по общему списку. Возможно, кто-то перепутал карточки. Любая версия пока была удобнее другой.

Она перелистала рабочий блокнот. В нём были записаны сроки насоса для больницы, гарантийного ремонта дороги, вопрос по отоплению школы, уточнение границ участка Лунёва. Между строками оставалось мало места. Ольга подумала, что, если открыть этот блокнот через десять лет, он будет выглядеть летописью полезных дел. О том, кто и как получал право их делать, здесь почти ничего не было.

Дома Ольгу ждал племянник, студент техникума. Он уже получил место в общежитии и радостно показал ключ с железной биркой. Сначала подавал заявление по очереди, а затем она сама попросила Рябова позвонить заведующему. Мальчик уверял, что свободная комната всё равно пустовала. Ольга знала: возможно, он прав. Вечером он оставил ключ на подоконнике, и она долго смотрела на него. По одному этому ключу нельзя было понять, кого поселили позже, чем должны были. Однако она уже не могла назвать чужие просьбы безобидными и не вспомнить собственную.

Андрей вернулся домой с папкой расчётов. Марина сидела у стола с двумя чашками и листком из областной больницы. Он положил перед ней таблицу, не пряча красные строки. Она просмотрела сроки, спросила о пожарной проверке и предложила отложить разговор о том, кто кому угрожает, до того момента, когда они смогут решить, как платить людям. Андрей попробовал возразить: он ведь не собирался сдавать предприятие. Марина кивнула. Она знала, чего он не собирается делать. Ей не хватало ответа на другой вопрос — что он собирается делать, если деньги и документы начнут исчезать быстрее, чем он успеет их защищать.

Впервые он сам спросил о поездке к врачу. Марина не стала изображать, что это ничего не значит. Показала дату повторного обследования и попросила не отменять её ради встреч с Сазоновым. Андрей записал дату в телефон при ней. От этого не решилось ни одной денежной проблемы. Но она впервые за два дня убрала со стола письмо из банка не как доказательство его невнимания, а просто чтобы поставить горячий чайник.

Позже Громов прислал сообщение: «Не горячись. Ещё можно договориться». Андрей долго смотрел на экран. Рядом с сообщением стояла фотография Михаила, сделанная десять лет назад на открытии нового склада: Громов обнимал его за плечи, улыбался и щурился от солнца. Андрей не удалил сообщение. Он сохранил его рядом с уведомлением областной прокуратуры и неожиданно подумал, что эти две бумаги похожи: обе обещали разговор, в котором решение могло быть принято до его прихода.

Под вечер Рябов зашёл к владельцу строительного магазина Игорю Семёнову. Район задерживал ему оплату за материалы для ремонта клуба, но теперь требовалась новая партия профиля для школьной пристройки. Семёнов стоял за кассой и проверял входящие платежи. Он мог отказать: ни аванса, ни нового договора ему не предлагали. Однако два года назад Рябов помог перевести магазин из временного павильона в капитальное помещение, когда сосед оспаривал границу участка. Рябов этого не напоминал. Он лишь сказал, что школьники не должны ждать, пока бухгалтерии разберутся с бумагами.

Потом словно между делом спросил, по-прежнему ли грузовики Семёнова пользуются коротким муниципальным съездом. В следующем месяце его собирались включить в новую транспортную схему. Угроза была слишком расплывчатой, чтобы пожаловаться, и слишком

понятной, чтобы не услышать. Семёнов велел грузить профиль. Рябов поблагодарил его за помощь детям, не назвав дату оплаты. На складе парни молча отсчитывали металлопрокат, а хозяин вспоминал, кому должен сам.

Жене Семёнов сказал, что снова выручил школу. Та спросила, когда они сами заплатят за отопление магазина. Он ответил, что район обязательно рассчитается. И вдруг услышал голос Рябова в собственных словах. Следующим утром он поставит новый товар в долг постоянному покупателю — иначе тот уйдёт к конкурентам. Так долг переходил из кабинета в кабинет, из семьи в семью; получатель помощи редко видел того, кто за неё расплачивался.

Возле администрации Рябов прочёл сообщение от сестры, оставшееся ещё с приватизации муниципального склада. Она благодарила его за помощь и просила не рассказывать знакомым, сколько заплатила за объект с подъездом к железнодорожному тупику. Тогда он отшутился: будто речь шла о семейной покупке старого автомобиля. Теперь тот же подъезд оказался на схеме будущего логистического комплекса. Рябов удалил сообщение из телефона, потом вспомнил, что оно осталось у сестры и в резервных копиях. Оттого его раздражение только выросло.

Ему хотелось объяснить всё экономией районных денег: пустой склад получил собственника, город — налогоплательщика. Но даже он понимал, почему сведения о торгах вывесили на стенде так поздно, что второй претендент не успел подать документы. Рябов не знал его имени. Гораздо удобнее было думать, будто этого человека вообще не существовало.

В администрации у Сазонова горел свет. Он вызвал Кротова и Белову ненадолго, когда большинство сотрудников уже разошлись. На столе лежало то самое уведомление с фамилией С. В. Дёмина. Для Сазонова буквы означали не абстрактную область, а знакомого человека, с которым они несколько раз пересекались на совещаниях и разговаривали по телефону без секретарей. Дёмин работал в областном звене прокуратуры и обычно предпочитал получать заранее подготовленные сведения, чтобы не тратить время на выяснение того, что местные могли сделать сами.

Сазонов сообщил, что уже обсуждал с ним предстоящее рассмотрение. Ничего неожиданного, по его словам, не будет: областные изучат документы, район даст объяснения, замечания оформят, если найдутся основания. Дёмин не обещал закрыть глаза на нарушения прямым текстом. Он сказал другое: при нормальной подготовке серьёзных последствий не возникнет. Сазонов понимал, что человек на такой должности не должен раздавать гарантии. Но привык слышать в осторожных формулировках именно их.

Белова напомнила, что наличие знакомства не отменяет обязанности сохранить документы и ответить на вопросы по существу. Кротов не спорил. Он уже знал цену разночтениям на кадастровых схемах. Сазонов устало произнёс, что никто ничего скрывать не собирается. Нужно лишь, чтобы в папке лежало всё необходимое, когда приедут проверяющие. Ольга, проходившая мимо открытой двери с журналом исходящих, услышала слово «приедут» и задержалась на шаг. В уведомлении говорилось об изучении материалов и участии представителей, но не уточнялось, кто именно будет работать на месте.

После ухода Беловой Сазонов попросил Кротова уточнить дату в областной канцелярии. Кротов набрал номер при нём. Сотрудница подтвердила регистрацию уведомления и сообщила, что С. В. Дёмин сейчас в отпуске, лично в ближайшие дни не принимает. Кто будет заниматься материалами на месте, она не знала: сведения об исполнителях обещали направить позже. Кротов переспросил, назначен ли уже выезд. Ему ответили, что из имеющейся карточки это не следует. Сазонов слушал беседу с видом человека, которому не сообщили ничего нового.

За окном монтировали гирлянду над площадью. Один рабочий на подъёмнике возился с проводом, другой снизу проверял, загораются ли лампы. На мокрых камнях мерцали первые огни. Сазонов смотрел на них и представлял понедельник: готовые папки, спокойные объяс-

нения, знакомые голоса из области. Отсутствие Дёмина казалось ему не неопределённостью, а ещё одной гарантией. Того, чего никто не обещал, он уже не собирался опасаться.

— А проверка? — спросил Кротов.

Сазонов закрыл папку. В ней лежали копии документов, которые когда-то помогли одним людям построить дорогу, другим — получить контракт, третьим — сохранить работу. Были там и бумаги, о которых каждому из них удобнее было помнить только свою часть. Глава посмотрел на них без тревоги, почти с благодарностью. Эта система ни разу не оставляла его одного, пока он умел беречь чужие подписи.

— Вот поэтому я и спокоен, — сказал он.

Глава Третья — Уведомление

В понедельник в Верхнеозёрске пошёл снег, но до земли он не долетал: таял над мокрым асфальтом, на козырьках магазинов, на остановке у больницы. К восьми утра площадь приобрела несчастный вид вещи, которую начали красить и бросили на полпути. Ольга Никитина стояла перед окном приёмной и смотрела, как дворник сдвигает к бордюру мокрые листья. В прошлую пятницу здесь вешали праздничную гирлянду. Теперь один её конец провисал над входом в администрацию, и никто не знал, кому поручить ремонт.

На столе Ольги лежало уведомление областной прокуратуры — то самое, из-за которого Кротов за выходные звонил ей трижды. Оригинал поступил по межведомственному каналу, копия — в адрес предпринимателя Лунёва. В областной карточке Андрей значился заявителем, хотя он, насколько удалось выяснить, жалобы с таким содержанием не подавал. Ольга отправила запрос об уточнении источника обращения; в ответ пришло только подтверждение регистрации. В канцелярии это означало, что вопрос существует, но ответ на него пока никому не поручен. Она распечатала карточку вместе с историей изменения адресатов и подшила отдельно. Если завтра кто-то потребует убрать Лунёва из рассылки, будет видно, что запись возникла не в районе.

Сначала она собиралась положить письмо в папку обычных обращений. Потом заметила, что в перечне документов фигурирует не только муниципальная земля, но и переписка о подготовке инвестиционного комплекса, включая ранние предложения о размещении объектов. Такого перечня район не запрашивал. Кто-то в области уже достаточно хорошо представлял, какие папки существуют в Верхнеозёрске, и просил показать их именно в той последовательности, в какой они могли стать неудобными.

Когда Рябов однажды просил её закрыть карточку дорожного контракта без приложения с лабораторным заключением, Ольга отказалась. Он пришёл через час с коробкой конфет для приёмной и объяснил, что экспертиза просто задерживается. Она всё равно оставила отметку «не представлено». После этого в районе ещё долго говорили, будто Никитина любит мелкие придирки. А когда на дороге через месяц пошли трещины, Рябов первым позвонил ей и попросил найти ту самую отметку. Подписи в этой системе нужны были не только для присвоения чужой выгоды: иногда по ним находили человека, на которого можно переложить неудачу. Ольга сохранила копию карточки, хотя сама не смогла бы объяснить, зачем так бережёт подобные вещи. Работа научила её опасаться не одиночной лжи, а момента, когда её начинаешь повторять вместе с другими.

Кротов появился раньше Сазонова. Пальто на нём было застёгнуто неправильно — через одну пуговицу, чего он обычно не допускал. Он взял уведомление, перечёл отметку об исполнителе и спросил, не пришло ли новое сообщение. Ольга ответила, что ничего не поступало. За выходные срок рассмотрения не изменился, назначенная дата по-прежнему значилась в конце недели. Канцелярия в пятницу подтвердила отсутствие Дёмина. До сих пор это служило Кротову утешением, а сейчас, похоже, мешало понять, чего ждать.

Сазонов вошёл, не снимая перчаток. Накануне вечером он обменялся короткими сообщениями с областным знакомым и после этого заметно повеселел. Переписку показывать не стал. Попросил подготовить «нормальную папку»: действующие документы, описи приложений, без черновиков, которые всё равно никто не просил. Ольга могла бы ответить, что черновики нередко объясняют больше утверждённых версий. Но понимала: начальник проверяет не её архивную добросовестность, а степень готовности отдела к чужим вопросам.

К половине девятого собралось короткое рабочее совещание. Белова принесла перечень сроков ответов по земле, Рябов — сведения о муниципальных коммуникациях, Кротов — старые кадастровые схемы. На столе стояли две чашки чая, остальные предпочли не задержи-

ваться надолго. Отсутствие Дёмина никто не называл причиной для беспокойства. Напротив, Сазонов говорил, что область умеет отличать шум вокруг бизнеса от настоящих нарушений, а проверка, если её грамотно сопровождать, поможет снять вопросы и продолжить переговоры.

Ольга слушала и вспоминала, как несколько лет назад в городе меняли порядок распределения служебных квартир. Тогда тоже обещали снять вопросы. Квартиры после утверждения порядка получили те же люди, но по новым адресам. Разница была не в результате; разница заключалась в том, что теперь у каждого имелось письмо, на которое можно сослаться. С тех пор она меньше доверяла словам «всё оформим». За ними иногда скрывалась забота о документах, а иногда — желание, чтобы сами документы больше не рассказывали ничего лишнего.

Когда секретарь собиралась вернуть уведомление в дело, в приёмной возник шум. Дежурный охранник понизил голос, женщина у стойки просила кого-то подождать, и затем послышались размеренные шаги. Ольга увидела мужчину в тёмном пальто, с небольшим дорожным портфелем. Он не оглядывал коридор, как большинство приезжих: будто уже знал, где находится нужная дверь. С него стекала талая вода, на левой перчатке у большого пальца разошёлся шов.

Мужчина назвал фамилию Дёмин и попросил передать главе района, что прибыл по материалам, указанным в уведомлении. Ольга на секунду растерялась: областная канцелярия говорила об отпуске. Она попросила служебные данные для журнала посетителей и уточнила, назначено ли официальное выездное мероприятие. Приезжий продиктовал фамилию и должность, а о мероприятии ответил осторожно: пока это предварительная рабочая встреча, решение о дальнейших действиях примут после знакомства с материалами. Он не требовал доступа в закрытые кабинеты и не просил снять копии без оформления. Портфель поставил на пол и спокойно ждал, пока секретарь соединится с Сазоновым. Ольга внесла в журнал фамилию и время с его слов, оставив графу служебного удостоверения пустой. Запросить подтверждение через канцелярию она собиралась после разговора с главой, но Сазонов вышел встречать гостя лично, и рабочее утро пошло по другому порядку.

Сазонов вышел сам. Фамилию узнал сразу, а лицо видел впервые — в области они встречались лишь на многолюдном совещании и после разговаривали по телефону. Приезжий стоял возле вешалки, не снимая мокрого пальто, словно не хотел преждевременно превращать визит в знакомство. Глава широко улыбнулся, но, увидев сдержанный ответ, вернул лицу официальный вид. Он спросил, не изменилась ли назначенная дата рассмотрения, а заодно попытался уловить по голосу привычные интонации телефонного собеседника. Коридор шумел; кроме того, Сазонов и впрямь плохо помнил голос: по телефону с настоящим Дёминым они говорили редко и торопливо. Он не попросил удостоверения. Уверенность в собственном знакомстве на секунду показалась ему надёжнее бумаги.

— Вы ведь не собирались приезжать, — сказал Сазонов, когда за ними закрылась дверь кабинета.

— Не собирался, — ответил гость. — Обстоятельства изменились. В сводке не оказалось нескольких существенных вопросов.

Он не объяснял, что случилось с отпуском. Поставил перед собой стакан воды, но пить не стал. Сазонов несколько раз собирался спросить о распоряжении из области, однако приезжий сам обозначил пределы встречи: сегодня никто ничего не изымает и не составляет акт проверки, речь только о том, какие сведения район намерен представить к назначенному сроку. Он не предъявлял письменного поручения и не ссылался на право требовать документы. Такое уточнение успокаивало. Если всё идёт неофициально, думал глава, можно сначала выслушать человека, а о формальностях позаботиться позже.

Сазонов прекрасно помнил времена, когда чужой городскому человеку официальный тон служил почти достаточным доказательством его полномочий. За двадцать лет район пережил

пятерых руководителей областных управлений и три реорганизации. У каждого появлялись новые заместители, новые названия отделов, новые лица для поездок на места. Сам он старался не запоминать внешность тех, кто не мог повлиять на его карьеру. О Дёмине он знал другое: кому тот доверяет доклады, какие слова любит в отчётах, что ненавидит публичный шум. Они однажды сидели через два ряда на совещании, где свет бил со сцены прямо в лица, и поговорили после этого только по телефону. Теперь Сазонов испытывал почти благодарность к приезжему за то, что тот не стал изображать старого знакомого. Неловкость встречи можно было принять за обычную служебную сдержанность.

В первые десять минут они говорили не о Лунёве, а о городе. Приезжий уточнил, сколько сотрудников работает в администрации, почему не закрыта заявка на отопление школы, как продвигается строительство новой насосной. О насосе и будущих расходах приезжий говорил по данным районной публикации и открытой закупочной карточки; сумма почти совпала с названной главврачом Сазонову в пятницу. Глава решил, что сведения ушли из районного отчёта. Там они вполне могли быть. Но Сазонов не помнил, чтобы в отчёте упоминалось, кто обещал найти поставщика к утру.

— Вы здесь привыкли устранять последствия быстрее, чем успеваете оформить причины, — заметил приезжий.

Фраза звучала почти сочувственно. Сазонов объяснил, что в маленьком городе нельзя ждать, пока больница замёрзнет или остановится школьная котельная. Гость согласился: никому не нужна остановленная больница. Вопрос только в том, почему после срочного ремонта появляются дополнительные акты, а при следующей закупке побеждает подрядчик, знакомый тем же людям. Он произнёс это без нажима, словно проверял, правильно ли понял местную последовательность.

Сазонов неожиданно почувствовал злость. Человек приехал из области и рассуждает о договорах так, будто ни разу не видел зимнего подвала с водой по колено. Глава уже открыл рот, чтобы рассказать про батареи в школе, но остановился: приезжий как раз сообщил, что помнит этот эпизод. И школа действительно заработала, добавил он. Только документы при этом должны были отражать то, что сделано, а не то, что удобнее оплатить. Он говорил с позиции человека, который не отказывал в помощи, но и не давал считать помощь оправданием любой записи.

У Сазонова всегда существовал собственный способ распределять опасности. Он не хранил у себя конвертов с деньгами и не требовал, чтобы в его присутствии обсуждали проценты подрядчикам. Ему хватало знания о том, кому обязана больница, кто платил за школьную крышу и чьи машины однажды бесплатно работали на личной дороге. Если один из этих людей отказывался выполнить просьбу, глава не грозил ему: просто напоминал, что они вместе пережили много трудных лет. Большинство соглашалось. Теперь напротив сидел человек, который говорил о тех же отношениях без раздражения, словно предлагал назвать их своими именами. Сазонов прежде всего пытался понять, сколько собеседнику известно на самом деле. Для этого он сам был готов сообщить больше, чем собирался утром.

Глава позвал Белову и Кротова, Рябова пока оставил за дверью. Белова вошла с тонкой папкой и попросила назвать основание внепланового визита. Гость не рассердился: показал на зарегистрированное уведомление и повторил, что сегодня не начинается отдельная проверка с осмотром или требованием предоставить оригиналы. Он хотел понять расхождения до того, как область получит официальные ответы. Белова заметила, что рабочая беседа не заменяет процессуального оформления запросов. Гость согласился без спора. Это согласие разочаровало Сазонова: ему хотелось услышать простое указание, что говорить и чего избегать. Вместо этого предлагалось самим разобрать бумаги.

Именно слово «помочь» заметно подействовало на Сазонова. Он привык, что от области помощь часто приходила в форме инструкции, чего лучше не писать. Гость же произносил его

так, будто говорил о добросовестной работе. Это давало возможность и продолжать разговор, и не соглашаться ни с одним неприятным предположением.

Кротов сообщил, что у Лунёва действует основной договор на предприятие, а вопросы касаются старого проезда и кабельной линии через муниципальный участок. Белова поправила: в уведомлении речь шла шире — об основаниях включения частного имущества в будущий инвестиционный контур. Сазонов заметил, что проект пока предварительный. Дёмин спросил, почему тогда специалисты уже обследовали сушилку и составили перечень зданий без согласования с владельцем.

Вопрос вызвал неприятную тишину. Кротов не видел пятничных фотографий. Белова знала о них от самого Андрея. Сазонов считал выезд обычным обследованием территории. Каждый мог сказать правду в своей части, и ни одна из этих правд не отвечала на вопрос целиком. Приезжий не стал требовать единого ответа. Он лишь записал, кому следует принести договор с проектировщиками и кто согласовал границы обследования.

— Мы же не собираемся ничего изымать у человека, — сказал Сазонов. — Обсуждаем покупку. Он может отказаться.

— Уже отказался, — напомнила Белова.

Гость посмотрел сначала на неё, затем на главу. Сазонов уловил в этом взгляде не осуждение, а желание установить простой порядок: что было прежде, а что произошло после. Когда Белова назвала даты новых запросов о проезде и электричестве, он попросил приложить основания. Кротов попытался пояснить, что старые бумаги и вправду содержат разночтения. Приезжий согласился. Именно поэтому, сказал он, было бы полезно узнать, почему те же разночтения много лет не мешали работать, а теперь стали срочными.

В этот момент в другом конце города Андрей сидел над ведомостью ремонта подшипников. Гул сушилки проникал в кабинет даже через закрытую дверь. Лида поставила перед ним новую выписку из банка: для продления действующего лимита требовали подтверждение прав на транспортный проезд. Он уже знал, откуда возник вопрос, но не знал, на каком основании банку передали сведения, которые сам земельный отдел ещё называл предварительными.

Он позвонил своему юристу в областной центр, Константину Рябинину, и изложил события последних двух дней. Рябинин не обещал быстрых решений. Просил не подписывать отказ от претензий вместе с продажей имущества, а требования банка и сетевой организации собрать отдельно, с датами. Андрей хотел говорить о том, кто всё затеял. Юрист возвращал его к тому, что можно доказать: письма, сроки, конкретные последствия для бизнеса. Разговор получился долгим и неприятным именно потому, что оба понимали его необходимость.

Лида не задавала вопросы, на которые уже существовали цифры. В её таблице отдельными строками стояли три вероятности: сохранение поставок, простой сушилки и сокращение ночной смены. Андрей попросил убрать последнее предположение. Она отказалась: банк может запросить прогноз движения денег, и лучше увидеть неприятное сегодня, чем объяснять его людям в последний день месяца. За одиннадцать лет она редко спорила с хозяином при рабочих, но в кабинете могла сказать ему правду без осторожных формулировок. Сейчас она напомнила, что отказ продавать предприятие не равен обещанию сохранить прежнюю зарплату каждому. Андрей посмотрел на её карандашные пометки и почувствовал себя человеком, которого учат считать в собственном доме. Потом попросил оставить все три строки. С этого начиналась работа, за которую ему действительно отвечать самому.

После звонка Андрей спустился к весовой. Галя Кочеткова показала накладные на два вагона зерна, которые нельзя было отправить, если короткий проезд закроют даже на сутки. Водитель Николай стоял у окна с пустой кружкой и спрашивал, брать ли обратный рейс. Андрей не ответил сразу: раньше такие решения принимались по расписанию, теперь приходилось прикидывать чужое настроение в кабинетах. Он разрешил рейс и попросил Галю сохра-

нять сведения обо всех простоях с точным временем. Она кивнула, но заметила, что записывает их уже третий день.

В мастерской Василий Пахомов держал разобранный узел сушилки. Ему не нравилось, что Андрей занят письмами, пока запасная деталь не оплачена. Он предложил поискать подшипник у соседнего хозяйства, даже если придётся вернуть его новым позже. Андрей согласился. Механик хотел уже уйти, когда спросил, правда ли их продают. Вопрос прозвучал без обиды: Василий слышал эту новость от человека, который вчера никогда не был на базе, и пытался понять, насколько она приблизилась к реальности.

Андрей сказал, что не продаёт. Василий выслушал и попросил сообщать людям не только о решениях, но и о рисках. На предприятии работали сорок шесть человек; каждому приходилось планировать зиму не по чужой борьбе за принципы, а по собственному кошельку. Андрей впервые за день почувствовал, что его отказ от продажи — необходимое, но ещё не достаточное объяснение для тех, кто живёт на зарплату.

Он вернулся наверх, открыл уведомление и перечитал фамилию С. В. Дёмина. О ней ничего нельзя было узнать из самого письма, кроме должностной принадлежности и права требовать документы. Андрей попросил Рябинина отдельно проверить, на каком основании его назвали заявителем. Юрист ответил, что сделает запрос через официальный порядок, и добавил: отсутствие понятного ответа не означает, что уведомление недействительно. Андрей был раздражён этими оговорками. В его жизни всё чаще появлялись люди, которые не обещали именно того, на что он надеялся.

В администрации тем временем к разговору присоединился Рябов. Гость попросил рассказать не об инвесторе, а о муниципальных помещениях вдоль будущей транспортной схемы. Сначала Рябов уверенно перечислял склады и гаражи. Затем прозвучал вопрос о здании с подъездом к железнодорожному тупику, проданном восемь лет назад обществу, которым управляла его сестра. Рябов постарался не менять выражения лица. Но пальцы сами закрыли край папки, где лежала нужная справка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.